

ЕЛЕНА ЛЕВАШОВА

Лучше меня
НЕ НАЙДЕШЬ

Елена Левашова

Лучше меня не найдешь

<https://litres.ru/74177899>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Кирочка, у меня для тебя подарок, – протягивает сестренка, расплываясь в улыбке. – Вернее, у нас Олежек, ты скажешь или я?

– Давай ты, – деловито протягивает мой муж.

– Я беременна, дорогая! От твоего мужа. Теперь мы все будем счастливы, да? Ну, сколько можно убиваться? Я овдовела, ты потеряла сына Ты станешь малышу второй мамой. Я выйду на работу, а ты будешь заботиться о мелком. Олег, ты не против, если Кира станет крестной?

– Я только за, – одобрительно кивает предатель.

Что может быть страшнее, чем восемь месяцев ждать вестей о пропавшем без вести сыне? Только преподнесенное как подарок предательство самых близких

В один миг я лишилась всего – семьи, сестры и матери, охотно поддерживавшей предателей

Они думали, что сломали меня? Они ошиблись...

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	9
Глава 3.	14
Глава 4.	19
Глава 5.	24
Глава 6.	29
Глава 7.	35
Глава 8.	43
Глава 9.	49
Глава 10.	53
Глава 11.	59
Глава 12.	65
Глава 13.	70
Глава 14.	75
Глава 15.	82
Глава 16.	87
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Елена Левашова

Лучше меня не найдешь

Глава 1.

Кира.

Ровно сорок один год назад я родилась...

Паркуюсь возле «Люмбера» и глушу мотор. Поправляю прическу, глядя в зеркало заднего вида, губы подкрашиваю... Может, все это зря? Ресторан, банкет, музыканты... Интересно, Мишенька бы меня осудил? Черт... Зачем я только согласилась отмечать днюху? Сорок один ведь – не сорок пять... Ладно...

Припудриваюсь, пытаюсь выдавить улыбку... Получается плохо... Да и как получится, если восемь месяцев мой сын числится пропавшим без вести...

Жив, погиб, в плену? Я во все двери стучусь, а в ответ – тишина... Восемь месяцев ада, неизвестности...

Нет, зря все это... Неправильно, жестоко, но...

Я обещала мужу, что позволю родне организовать для меня этот дурацкий праздник. Ладно... Они же, наверное, старались?

Выхожу из машины, завязывая на ходу пояс плаща... Прохладный апрельский воздух бьет в лицо, взвивая волосы и

полы нового, шелкового платья темно-голубого цвета, купленного Олегом специально для этого вечера...

«Ты должна отвлечься, Кира. Ради меня и памяти Миши...»

«Памяти? Он еще не умер, Олег! Он жив, я чувствую!».

Господи... Похоже, его все уже похоронили...

Вхожу в залитый теплым светом зал ресторана. Здесь я впервые. Меня тут же встречает Олег с огромным букетом розовых пионов – моих любимых... На нем стильный, темно-серый пиджак, отполированные до блеска туфли, блестящие часы – их он надевает по особым случаям...

– С днем рождения, любимая, – шепчет он, целуя меня в щеку. – Ты прекрасна. Как на работе? Не долго тебя твои мертвяки мучили?

– Спасибо, милый. Еле сбежала от всех...

Он берет меня под руку и ведет в отдельный зал.

– Ого! Я смотрю, ты здорово постарался, – удивленно распахиваю глаза я. – Ресторан просто... бомба.

– Все потому, что я до смерти тебя люблю, – расплывается в улыбке Олег.

Все уже в сборе: мама, моя младшая сестра Лена, лучшая подруга Света, мои коллеги – Тамара Игнатьевна и Катя, дядя Семен с женой и детьми... Они вскакивают, аплодируют, выкрикивают поздравления.

Звонят бокалы, на столе дымятся тарелки с едой.

– Кирочка, доченька, с днем рождения! – обнимает меня

мама. В ее глазах блестят слезы. Знаю, что она тоже страдает, но держится куда лучше меня.

– Племяшка, с днюхой!

– Счастья, Кира Васильевна! Крепкого здоровья!

– Ты сегодня королева, сестренка! – выкрикивает Лена.

Она светится изнутри. Похудевшая, осунувшаяся после смерти мужа, сегодня она выглядит... счастливой. Ленуся нарядилась в легкое кремовое платье, подчеркивающее ее тонкую талию.

– Спасибо, родная. Ты тоже прекрасно выглядишь.

Мы садимся за стол. Олег разливает шампанское, гости произносят тосты. Я механически киваю, чокаюсь и держу улыбку приклеенной... Мысли где-то далеко, с Мишей. Ему всего девятнадцать... Было, когда он ушел воевать.

– Кира, а у меня для тебя особенный подарок, – голос Лены вырывает меня из задумчивости.

Наконец-то, Ленка ожила... Ее муж Игорь погиб на фронте полгода назад... Я, грешным делом, думала, что она сломается после утраты, не сможет начать заново... Теперь же мне радостно видеть ее сияющей...

Все замолкают. Олег ободряюще кивает, мама сжимает салфетку. Света смотрит с любопытством. Дядя Семен прекращает жевать, откладывая вилку...

– Какой подарок, Леночка? – выпаливаю я. – Вы и так организовали для меня банкет, я... Я совсем не планировала отмечать.

Сестра поднимается и, радостно похлопав в ладоши, сгребает меня в объятия.

– Я беременна, Кирочка!

Мама всхлипывает, прикрывая рот рукой, Олег улыбается, гости ободряюще ахают...

– Лена... я... я рада за тебя, – шепчу я. – После всего, что случилось... Это... это чудо.

Детей с Игорем у них не было... Я боялась, что после его смерти Лена никого к себе не подпустит. Выходит, ошиблась? Странно, почему Лена не говорила раньше, что завела мужчину?

– Это не все, Кира, – дрожащим шепотом добавляет она. – Отец ребенка... это Олег, твой муж.

Что?

Мир вокруг меня рассыпается на миллионы осколков. Это что, вообще? Ощущение, будто ее слова – попавший в кровь токсин... И прямо сейчас он циркулирует во мне, отравляя организм... Я врач и слишком хорошо знаю, как все происходит...

Звуки тонут в вязкой тишине... Я вижу только их лица – сияющее лицо Лены, счастливое – Олега и одобрительно-плаксивое лицо мамы...

Это же шутка, да? Такого просто не может быть...

– Что... что ты сказала? – скрипуче протягиваю я. Прокашливаюсь и повторяю вопрос. – Это же шутка, да? Вы решили меня разыграть?

– Кира, пойми! – взмаливается Лена, не отпуская мои руки. – Мой Игорь погиб, твой Миша, наверное, тоже... А я так хотела ребенка! Олег... Олег согласился помочь. Ради семьи! Ради всех нас! У вас же не получается, да?

– Помочь? – брезгливо одергиваю руки. – Помочь, переспав с тобой?

– Кирочка, это для нас всех, – деловито протягивает Олег, постукивая пальцами по столу. – Ты так страдала из-за Миши. Этот малыш... он станет и твоим. Ты ему будешь второй мамой. Леночка, ты же позволишь Кире воспитывать малыша? Ухаживать за ним, учить?

– Конечно, конечно, это даже не обсуждается, – тараторит Лена.

Бред какой-то... Вторая мама? Они подарят мне замену пропавшему сыну? Лжецы, предатели...

Глава 2.

Кира.

Я будто и не выходила из секционной... Воняет так же – разложением, трупом... Черт, я годами устанавливала причину смерти других людей, а признаков смерти собственной семьи не увидела...

– Доченька, это же счастье! – подхватывает мама. – Новая жизнь! Леночке так одиноко было. А ты... ты поможешь ей, вы вместе... Одна кровь, одна семья! Не воспринимай это так близко к сердцу. Она же твоя сестра, да и Олежек...

Меня накрывает волна ледяного ужаса. Они не шутят! Все это происходит всерьез.

Они с улыбками преподносят мне предательство, завернутое в красивую обертку «семейных ценностей».

– И долго же вы... встречались? – глядя на ошеломленных, притихших гостей, спрашиваю я.

– Пять месяцев, – расплывается в улыбке Лена. – Олежек однажды приехал меня утешить, ну и... Он очень старался, Кир... Он у тебя такой молодец... У меня ни черта не получалось забеременеть, но он помогал мне снова и снова... Иногда даже на всю ночь оставался...

Господи, меня сейчас вырвет...

Так вот, почему он уезжал «в командировки»? И все бы

ничего, но Волошин утверждал, что едет в зону боевых действий искать Мишу... Я, конечно, отпускала его. Этот гад рассказывал, что некто добыл информацию о пропавших без вести солдатах, и ему «кровь из носа» нужно поехать и все проверить... С каким-то генералом встретиться, на лапу ему дать...

А я сидела без сна и гипнотизировала взглядом смартфон. Верила, что он найдет нашего сына, привезет Мишеньку домой...

А он «помогал» моей сестре зачать? Так, выходит? Нет, это какой-то сюр... Комедия абсурда просто... Такое в жизни, вообще, бывает?

– Вы... вы больные, – шепчу я, приподнимаясь на негнущихся ногах.

Стул с грохотом падает.

– Кира, ты куда? – Олег пытается схватить меня за руку. – Постой, мы же не договорили! Ты не понимаешь! Это наш шанс снова стать счастливыми!

– Счастливыми? – истерично смеюсь я. – Ты изменил с моей сестрой. Осеменил ее. И называешь это шансом на счастье? Пять месяцев, Олег! Ты предал... меня и нашего сына, ты мне отвратителен!

– Это не измена, Кира! Как тебе, вообще, не стыдно так это называть? – обиженно протягивает Лена, заламывая руки. – Ты должна быть нам благодарна, мерзавка! У тебя снова будет малыш! Ты будешь о ком-то заботиться! И я, именно я,

а не кто-то собирается помочь тебе в этом! Будешь нянчить моего малыша, гулять с ним, пока я... Мне нужно поскорее вернуться на работу. В театре не станут долго ждать... Я не могу уйти в декрет, сама понимаешь.

– Кирюша, в самом-то деле... Леночка лишилась мужа, ты – сына... У вас же не будет больше деток с Олегом, а я мечтаю о внуках, – спешит заступиться за предателей мама. – Зачем Лене искать кого-то постороннего, чужого... Мало ли какая там наследственность? Все правильно они сделали... Олежек столько раз обследовался, мы уже знаем, что он здоров, а ты...

Благодарна, ага... Я должна быть им благодарна.

В глазах темнеет, во рту скапливается слюна... Меня точно сейчас вырвет... Господи, как же так? Я смотрю на их родные, любимые лица, а вижу отвратительные маски...

Они смотрят на меня с надеждой... Ждут, что я пойму, приму и стану соучастницей этого кошмара.

– А что я, мама? – сиплю я, ошеломленно моргая.

– Ты не можешь родить, дочка... Пора перевернуть страницу и жить дальше. Мишенька... Я его, безусловно, люблю, но он... Ты же понимаешь, что нашего мальчика больше нет? Сколько еще ты будешь страдать? Сейчас время такое... сложное...

– Нет, мама! – кричу я, встречая испуганные взгляды гостей – они молчат, не решаясь высказаться или принять чью-то сторону. – Я мать и чувствую, что Мишка жив... А вы

все... Вы предатели! Отвратительные, гадкие мерзавцы... Я вас ненавижу!

– Когда-то ты поймешь, что я пошел на это только ради тебя, – театрально закатывает глаза Олег.

– Представляю, как ты мучился, делая моей сестре ребенка! Еще и столько времени...

Из-за стола поднимается Света...

Кажется, она, наконец, отмерзает... Или осознает, что все происходящее – не фарс, а реальность... Омерзительная в своем цинизме реальность...

– Кира, я поеду с тобой. Не желаю больше оставаться здесь. Это же... Честное слово, я думала, твоя сестренка репетирует новую роль, но... Сценаристы до такого не додумаются. Поедем?

– Да, Свет. Спасибо... Олег, тебе не стоит сегодня ехать домой, – бросаю, обводя взглядом гостей. – Я не готова разговаривать с тобой. Разрешаю тебе переночевать у Лены, – с ноткой цинизма добавляю я.

– Кира, еще раз с днем рождения, – поднимается дядя Семен. – Регина, мы тоже едем. Не хочу оставаться здесь. Аня, прости, но это... перебор, – качает он головой, глядя на маму.

– Спасибо, дядя Сема. Мы поедем...

– И мы поедем, Кира Васильевна, – произносят мои коллеги.

– Спасибо вам... И простите за все.

На ватных ногах бреду к выходу... Наверное, то, что я сейчас чувствую – травматический шок или инфаркт, не иначе... Все будто на второй план отступает... Остается пульсирующая, рвущая на части боль. Я теперь совсем одна в этом мире, всех потеряла – мужа, сестру и маму... Никого нет рядом.

– Кира, тебе нельзя за руль, моя хорошая, – тормозит меня Света. – Я поведу.

– Светка, как же так? Это точно не роль? Она не прикидывалась?

– Гадина она, дрянь... Недолго мужа оплакивала, за твоего принялась... Кир, поедem ко мне?

– Свет, я сама поеду искать Мишу. Все это время я верила ему, понимаешь? Думала, что Олег ездит по гарнизонам и ищет Мишку... А он ребенка этой дуре делал... Интересно, что бы она сказала, согласись я его воспитывать? Отдала бы мне его?

– Конечно, нет, – фыркает Света, выруливая с парковки. – Она подговорила Олежека преподнести тебе новость под соусом заботы, прекрасно осознавая, КАК ты ее воспримешь... И ребенка она никогда не отдаст. Она же не дура? Что будет дальше, Кирюх?

– Развод, Свет... Только развод. И мой отъезд куда-нибудь подальше... – бездумно глядя в ночное окно, отвечаю я.

Глава 3.

Кира.

Квартира Светы встречает нас тишиной и запахом кофе. Подруга, не говоря ни слова, включает чайник и заваривает чай с мятой...

– Пей. Не для удовольствия, сама понимаешь... В качестве анестезии.

– Тебе это твои беременяшки подогнули? – грустно улыбаюсь я.

– Нет, милая... Они только конфетками балуются. У меня вон... целая стопка лежит.

Мы с Полонской вместе учились в медицинском, но она выбрала профессию во всех смыслах более душевную: помогает появиться на свет малышам, ведет беременности... Меня же в свое время потянуло на расследования... Увлеченная детективами и рассказами папы, на третьем курсе медакадемии я заочно поступила на юрфак. И, вуаля...

Я судебный медик, а Светка гинеколог. Жизнь и смерть...

Только как я могла не видеть всего этого так долго? Не чувствовать... Спать с предателем в одной постели, готовить ему завтраки, целовать...

Послушно делаю глоток. Жидкость обжигает горло, но

внутри, кажется, ничего не теплеет – все безвозвратно вымерзло...

– Они что, правда думали, я скажу «спасибо»? – протягиваю сипло. – «Спасибо, дорогие, что ввали у меня за спиной, пока я с ума сходила от неизвестности. Спасибо, что решили заменить мне сына, как сломанную игрушку».

– Они не думают, Кир, – жестко отвечает Света, садясь напротив. – Они просто эгоисты. Каждый решает свою проблему. Ленка хотела ребенка и мужика, Олег хотел... черт его знает, чего он хотел. Убежать от твоего горя, наверное. А мама... твоя мама всегда была немного не в себе, прости. Для нее главное – «чтобы все как у людей» и род продолжался. У них своя, извращенная логика. Они не злодеи из фильма. Они... слабые, подлые люди, кто обернул свою подлость в заботу.

Ее слова – жестокие, но отрезвляющие. Светка права... Они не монстры, а хуже... Монстра можно хотя бы понять, у него есть мотив. А у этих... у этих лишь собственная похоть и удобство.

– Кира, ты сильная... – сжимает мои ладони Света. – Ты – человек, врач, ты...

– Ленка всегда говорила, что нормальный человек не может ковыряться в трупах. Намекала, что у меня отклонения, – горько усмехаюсь я.

– Надеюсь, ты не принимала ее слова всерьез? Кем надо быть, чтобы... Пять месяцев, Кир... Поверить не могу...

Брошенный на стол, смартфон вибрирует. На экране высвечивается «Муж». Какой он мне муж? Муж – человек, который должен быть крепостью и опорой. А моя крепость рухнула...

Я сбрасываю вызов. Телефон тут же вибрирует снова.

«Мама». Сбрасываю.

«Лена». Сбрасываю и включаю авиарежим.

– Они не отстанут, – констатирует Света.

– Я знаю. Именно поэтому мне нужно действовать быстро.

– Что ты задумала? – Света подается вперед.

– Он врал мне про поиски Миши. Все эти месяцы он врал.

Говорил, что едет в Ростов и Белгород, что у него есть выходы на каких-то волонтеров, военных... А сам кувырчался с моей сестрой.

Горечь снова подкатывает к горлу.

– Но ведь он не мог врать про все. Какие-то имена, контакты, места он должен был упоминать и... создавать видимость деятельности.

– И что? – не понимает подруга.

– А то, что раз он не искал, значит, искать буду я. Сама.

Поеду по тем же городам, найду тех же волонтеров. Только я буду делать это по-настоящему.

Света смотрит на меня с восхищением и ужасом одновременно.

– Кира, ты с ума сошла? Одна? Куда ты поедешь? Это опасно! Да и... Тебе нужно оформить развод, разделить иму-

щество... Ты же не собираешься дарить этим гадам все?

– Ты права, – выдыхаю я. – Но я все равно поеду... Я не могу отказаться от надежды, что Миша жив, Свет.

– Это же так опасно, Кир...

– А здесь не опасно? Здесь мне в лицо улыбаются предатели и заживо хоронят моего сына... Там, по крайней мере, все честно. Есть враг, свои и надежда на жизнь. А здесь... здесь только гниль. К слову, я же могу пригодиться в госпиталях?

– Поедешь, да... Но не прямо сейчас же?

– Можно я останусь у тебя? – спрашиваю я.

– Глупый вопрос. Конечно, оставайся сколько нужно.

Уснуть ни черта не получается... Не могу перестать думать о них... Как ни пытаюсь, перед глазами всплывают их наглые, улыбающиеся лица...

Ворочаюсь на диване в гостиной, гадая, с чего начать? Развод, раздел имущества... Светка права – я ни за что не уступлю сестре шикарную квартиру в элитной новостройке. Ее муженек, царствие ему небесное, был игроком и проигрывал все, что мог... Лена живет в задрипанной однушке на окраине и... Спит и видит, как занять мои хоромы.

Надо бы поискать хорошего адвоката среди своих и поручить все ему...

Светка будит меня, кормит вкусным омлетом, отпаивает крепким, свежесваренным кофе...

– Ты уверена, что справишься одна? – с тревогой спраши-

вает подруга.

– У меня нет выбора, Свет. Мне нужно забрать вещи и ноутбук Олега. Вся его «легенда» там. Имена, фамилии, локация...

– Я отвезу тебя и подожду внизу.

– А твои беременяшки?

– Я сегодня во вторую смену. Кир, ты думаешь, его контакты, они... настоящие?

– Проверю...

Дорога до нашего дома кажется вечностью. Машина Олега стоит на парковке. Значит, он здесь, черт бы его побрал!

Ну, хорошо. Так даже лучше. Он задолжал мне разговор по душам...

Глава 4.

Кира.

– Я подожду здесь. Если через пятнадцать минут не выйдешь – поднимусь, – бросает Света, не глуша мотор.

– Ну, ладно... Спасибо, Светуль.

Киваю и выхожу под морозящий утренний дождь, втянув голову в плечи. Квартира встречает меня напряженной тишиной. Кажется, что и нет здесь никого, но... Из гостиной струится аромат кофе... Сбрасываю обувь и тихонько вхожу... Олег сидит на диване, закинув ногу на ногу и попивая кофе... Выглядит он подозрительно спокойным, расслабленным. Завидев меня, он неторопливо ставит чашку на столик.

– Я так и думал, что ты приползешь утром, – усмехается он. – Перебесилась?

Меня словно бьет током... В нем нет ни капли раскаяния... Это же просто... Абсурд, нелепица...

– Я пришла за вещами и документами, – холодно отвечаю я, проходя мимо него в спальню. Бежать из города я не собираюсь – просто хочу посмотреть на его реакцию.

Олег вскакивает и идет следом, преграждая мне путь к шкафу.

– Хватит ломать комедию, Кира. Ты вчера устроила отвра-

тительную сцену при гостях. Опозорила меня, довела Лену до слез. А ей, между прочим, волноваться нельзя. Она носит моего ребенка. Нашего ребенка, если бы ты включила мозги. Ты же понимаешь, что она легкомысленная? Актриса, одним словом... Какие ей дети? А так... Ты бы воспитывала мелкого, кормила его, коленки мазала зеленкой... Или что еще мамы делают?

Я замираю. Внутри все скручивается от тошноты.

– Отойди от шкафа, Олег.

– А то что? – он кривит губы в издевательской ухмылке. – Слушай сюда, страдальца. Я пять месяцев терпел твой траур. Ты превратилась в ходячего мертвеца! Приходишь из своего морга, а от тебя несет формалином и трупами! Ты не жена, а тень! С тобой в постели лежать невозможно...

Его слова бьют наотмашь, но боли нет... Лишь неразбавленное, первобытное отвращение к существу, с которым я прожила столько лет. Как я могла не замечать всего этого?

– И поэтому ты решил трахать мою младшую сестру? – цежу я, глядя ему прямо в глаза. – Под предлогом того, что ищешь моего пропавшего сына?

– Да твой сын мертв! – орет Олег срываясь. Лицо его краснеет, на шее вздувается вена. – Умер он, понимаешь?! Его разорвало на куски, от него даже жетона не осталось! Все это понимают, кроме тебя, сумасшедшей! Ты одержима!

Моя рука взлетает сама собой. Звонкая пощечина обжигает щеку Олега, а голова дергается в сторону.

– Не смей, – шепчу я страшным голосом. – Не смей хоронить моего мальчика.

Олег медленно выдыхает, прижимая ладонь к покрасневшей щеке... В его глазах плещется чистая, неприкрытая злоба. Маска заботливого мужа слетает окончательно.

– Ах ты дрянь... – шипит он, потирая щеку. – Ты думаешь, ты кому-то нужна? Сорокалетняя, бесплодная, истеричная баба? Да я одолжение тебе делал, когда жил с тобой! Лена молодая, горячая, она смотрит на меня как на бога! Она дала мне то, что ты не могла дать – здоровую жизнь и наследника! А ты можешь дальше обниматься со своими трупами!

– Отлично, – я отталкиваю его в сторону, открываю ящик комода и вынимаю папку с документами. – Раз я такая ничемная, ты, несомненно, будешь рад разводу.

Олег презрительно фыркает, скрещая руки на груди.

– Развод? Валяй. Только учти, Кирочка, эта квартира куплена в браке. Твоя машина тоже. Ты вылетишь отсюда с голой задницей. Все придется продать. Я даже вилки из сервизов разделю поровну.

– Подавись ими, гад, – бросаю я, скидывая в спортивную сумку белье и одежду. – Мы все поделим по закону. А вилки и сервизы можешь забрать себе! Завтра же я найму лучшего адвоката в городе и вытрясу из тебя все, что смогу. Ты заплатишь за все, Волошин! За каждую «командировку», которую ты проводил между ног моей сестры.

– Адвоката она наймет! – Олег заливается презрительным

смехом. – На какие шиши? На зарплату патологоанатома? Я тебя по судам затаскаю, ты меня еще умолять будешь, чтобы я тебя обратно пустил!

– Не дожدهшься. Я развяжу себе руки. Оформлю развод, заберу свою долю и уеду.

– Куда ты уедешь? Кому ты нужна?! – он снова преграждает мне выход из спальни. – И не надейся, что я съеду, поняла? Я здесь прописан! Меня отсюда разве что вперед ногами вынесут!

– Я уеду искать сына. Но сначала я уничтожу тебя. Чтобы ни ты, ни твоя подстилка Леночка не получили ни копейки из моих денег.

Я вижу, как в его глазах мелькает тень беспокойства. Он привык, что я всегда покладистая, спокойная...

– Ты больная, – выплевывает он, отступая на шаг. – Реально больная на всю голову.

– Выздоровливающая, – поправляю я.

Застегиваю сумку, вешаю ее на плечо. Проходя мимо него в прихожую, я на секунду останавливаюсь у нашего большого аквариума. Экзотические рыбки, которых он так лелеял, плавают в кристально чистой воде.

Я смотрю на свою правую руку и... медленно стягиваю обручальное кольцо.

– Знаешь, Олег, – говорю я, не глядя на него. – Вчера я думала, что моя жизнь разрушена, а сегодня понимаю, что из нее просто вынесли мусор. Не думай, что я покидаю квар-

тиру насовсем. Заскочу к участковому, оформлю запрет на проживание... посторонних лиц. Не хочу, чтобы Лена пачкала здесь все... Не вздумай привести ее, понял? Я пока поживу у Светы.

Бросаю кольцо в воду... Оно камнем опускается на дно, зарываясь в декоративный песок.

– Ты совсем чокнутая?! – визжит Олег, бросаясь к стеклу.
– Бедные рыбки! Оно же грязное!

Я не отвечаю. Открываю входную дверь и выхожу на лестничную клетку...

Нужно сегодня же навеститься к участковому... А потом поехать в военкомат... Господи, сколько же времени потеряно, и... Все из-за него...

Глава 5.

Кира.

Вылетаю из подъезда, словно ошпаренная... Холодный дождь мгновенно остужает горящие щеки. В ушах пульсирует, перед глазами все еще мелькает его ухмыляющаяся рожка... И слова его – злые и обидные, успели впиться в сердце занозой... Неужели, Олег вправду так думает обо мне?

– Ну что? Живая? – мрачно спрашивает Света, глядясь в мое лицо.

– Более чем. Он счастлив, Свет, – выдыхаю я. – Считает, что сделал мне одолжение, представляешь? Я бесплодная, старая истеричка, а он меня спас, оплодотворив мою сестру и наградив, пусть не сыном, но... племянником... Знаешь, что он мне сказал? Лене нужно вернуться в театр, а мне... Они милостиво позволяют менять их малышу подгузники... Леночка будет строить карьеру, а я... Мне пора броситьковыряться в трупах и начать заниматься чем-то стоящим!

– Ага, щас-с! Какая же он мразь. Я убью его, Кир, честное слово.

– Не надо, пусть живет... Мне нужен адвокат, Свет. Не просто адвокат, а зверь. Хочу, чтобы он сожрал Олега со всеми потрохами.

– Есть такой, – тут же отзывается подруга, выезжая со двора. – Марк Захарович Вайнштейн. Он бывшего мужа моей пациентки по миру пустил так, что тот до сих пор икает. Дорогой, циничный, но свое дело знает. Выжмет из Олега все до последней капли. Звоню ему прямо сейчас? Или ты...

– Звони, – киваю я, откидываясь на сиденье и прикрывая глаза. – А номер тебе кто подогнал?

– Так, пациентка...

– Мои пациенты не такие разговорчивые, – горько усмехаюсь я.

Света договаривается о встрече с Вайнштейном на вечер.

– Свет, мне на работу надо.

Подруга отрывается от телефона и смотрит на меня как на сумасшедшую.

– Какая работа?! Ты в своем уме? Кир, я серьезно... Может поедешь ко мне? Поплачешь, отдохнешь? Договорилась на шесть вечера, ты придешь? Адрес скину в смске.

– Я не могу рыдать. Если я сейчас начну, то просто... Мне нужно сохранить трезвость ума и... Мне нужны деньги на адвоката и на... поиски Миши. Буду работать без выходных, брать дежурства в отделе криминалистики и... В общем... Отвези меня, пожалуйста. А вечером я приду, точно приду...

– Ладно...

– Свет, а какие у него расценки? Может, я не потяну?

– Потянешь, Кир. Мне тут одна идейка пришла, но... Я все

обдумаю, потом поделюсь.

– Окей.

Бюро судебно-медицинской экспертизы встречает меня привычной тишиной... Переодеваюсь в белый халат и иду в лабораторию.

Тамара Игнатьевна, наша заведующая, и молоденькая лаборантка Катя уже на месте. Они обе были вчера в ресторане.

– Доброе утро, – бормочу я.

Катя опускает глаза, а Тамара Игнатьевна, женщина суровая, но справедливая, смотрит прямо и испытующе.

– И тебе не хворать, – хмурится Тамара.

– Что у нас сегодня? – спрашиваю я буднично – словно вчера ничего не случилось.

– У нас утопленник из городского пруда и ножевое с ночного дежурства, – сухо докладывает Тамара Игнатьевна, а потом подходит ко мне ближе. – Кира, брось. Мы же не чужие люди. Как ты?

Как я? Да никак... Ощущение, будто все это не со мной происходит...

– Я в порядке, Тамара Игнатьевна. Рабочий момент.

– Рабочий момент – это когда скальпель затупился, – отрезает она. – А то, что было вчера, – подлость высшей пробы. Слов нет, одни эмоции...

– Мы так за вас переживали! – встревает Катя, в ее глазах стоят слезы. – Это же... это просто чудовищно! Ваша сестра... а муж... Как можно быть такими бессердечными?

– Тебе бы отгул взять, Кира. Отлежаться.

– Не могу, – я качаю головой, чувствуя, как к горлу подкатывает ком. – Я сегодня утром была дома. Он... он сказал, что Миша мертв. Что от него даже жетона не осталось... И... Я должна быть благодарна за нового ребенка.

В лаборатории повисает тяжелая, как грозовое облако, тишина, нарушаемая лишь гулом холодильников.

Тамара Игнатьевна подходит ближе и ободряюще похлопывает меня по плечу...

– Он трус, Кира. А трусы говорят, что им удобно. Он мысленно похоронил сына, чтобы оправдать свою грязь и спать спокойно. Не позволяй ему хоронить и твою надежду. Ты мать, и твое сердце знает лучше, как поступать...

– Но это так больно... – шепчу я, и слеза все-таки скатывается по щеке.

– Конечно, больно! – подхватывает Катя, протягивая мне салфетку. – Кира Васильевна, если вам что-то нужно – только скажите! Мы все сделаем! Хотите, мы этого урода встретим после работы? У моего парня друзья такие... крепкие.

Я невольно улыбаюсь сквозь слезы.

– Спасибо, Катюша. Не надо. Я справлюсь другими методами.

– Правильно, – кивает Тамара Игнатьевна, сжимая мое плечо. – Бей их по самому больному – по кошельку и репутации. А мы тебя прикроем. Иди, умойся. А потом бери ножовое. Мы с Катей утопленником займемся.

Я киваю, благодарно глядя на них. Я вовсе не одна, нет... У меня есть крепкий тыл. И здесь, среди холодных столов и микроскопов, в окружении смерти, я чувствую больше жизни и поддержки, чем в собственной семье.

Иду в ординаторскую, умываюсь ледяной водой и смотрю на свое отражение.

Война началась, долгие родственники...

Глава 6.

Кира.

Рабочий день пролетает в тумане... «Ножевое» оказывается простым – пьяная ссора, один точный удар в сердце. Наверное, и мое сердце подверглось такой же атаке, только словесной...

Я заканчиваю с документацией, когда в дверь лаборатории заглядывает Катя – вид у нее встревоженный.

– Кира Васильевна... к вам тут... мама ваша пришла.

Внутри все обрывается. Мама? Здесь? Она терпеть не может наше бюро...

– Я не могу ее принять, Катя. Скажи, что я на вскрытии.

– Я сказала... Она не уходит. Говорит, что будет ждать, сколько потребуется. Сидит в коридоре на скамейке. Тамара Игнатьевна пыталась ее выпроводить, так она чуть ли не плачет...

Я тяжело вздыхаю. Она не уйдет. Она устроит здесь сцену, и об этом будет гудеть все бюро.

– Ладно. Проводи ее в ординаторскую. Я сейчас подойду.

Я несколько секунд стою, прислонившись лбом к холодной кафельной стене и собирая себя по кускам. Надеваю маску непроницаемости.

Черт бы побрал любимых родственничков...

Мама сидит на диване, сжав в руках сумочку. Она выглядит измученной, уставшей... Наверное, всю ночь не спала, успокаивая Лену...

При виде меня она тотчас вскакивает.

– Кирочка, доченька! Я так волновалась, ты на звонки не отвечаешь!

Она пытается меня обнять, но я уворачиваюсь.

– Не надо, мама. Что ты здесь делаешь?

– Как что? – она всплескивает руками, и в ее голосе звенят обиженные нотки. – Я пришла с тобой поговорить! Ты вчера убежала, ничего не поняв! Мы же семья, мы должны держаться вместе, особенно сейчас!

– Семья? – я горько усмехаюсь. – О какой семье ты говоришь? О той, где муж спит с моей сестрой, а родная мать называет это «счастьем»?

– Не передергивай, Кира! – ее голос становится жестче. – Ты ведешь себя как эгоистка! Ты подумала о Лене? Она беременна, ей нельзя волноваться! Она всю ночь проплакала из-за твоей выходки! А Олег? Он же для тебя старался! Для всех нас!

Я смотрю на нее и не узнаю. Каждое ее слово походит на ковыряющийся в свежей ране скальпель...

– Старался? Мама, он мне врал! Пять месяцев он врал, что ищет Мишу, а сам кувыркался с ней в постели! Как ты можешь его защищать?

– А что ему оставалось делать?! – взвизгивает она. – На

тебя смотреть? Ты же иссохла вся от горя! Ты перестала быть женой! Ты только и делаешь, что страдаешь! Мужчине нужна забота, ласка, продолжение рода! Лена дала ему это! Она спасла вашу семью!

– Она ее уничтожила. А ты ей в этом помогла.

– Я?! – мама прижимает руку к груди, изображая сердечный приступ. – Да я только о вас и думаю! Я мечтаю о внуках! Мишенька... наш мальчик... его больше нет, Кира! Пойми ты это наконец! Нужно жить дальше!

– Он жив. Я это чувствую.

– Нет! – почти кричит она, и в ее глазах мелькает отчаяние. – Нет, Кира! Олег же ездил! В самом начале, один раз, он ездил по-настоящему... Нашел там одного командира, тот ему и сказал... Вся их группа попала под страшный обстрел, почти никто не выжил! Надежды почти нет, дочка! Почти нет!

От ее слов кровь стынет в жилах. Я смотрю на нее, не веря ушам... Значит, они... Они ВСЕ знали?! Скрывали от меня правду?

– Что... что он сказал?

– Сказал, что надежды мало, – всхлипывает мама. – Олег не хотел тебя ранить еще сильнее, он скрыл это! Чтобы уберечь тебя... Он решил, что лучше тебе ничего не знать и жить с призрачной надеждой, чем услышать страшную правду!

– Убережь? – вымученно вздыхаю я. – Он услышал не «по-

что нет надежды», а «он точно погиб». И вместо того чтобы искать дальше, цепляться за один шанс из десяти, он побегал утешаться к Ленке?! Это ты называешь «уберечь»?!

Мой голос срывается на крик.

– И ты... ты знала? Ты все это время знала и молчала?!

Мама отшатывается, ее лицо белеет.

– Я... Олег сказал, что так будет лучше... Для всех... Мы решили, что этот ребенок... он поможет тебе пережить... Ты же не можешь больше родить, милая. Вот мы и подумали, что... Леночке нужно возвращаться в театр, играть... А тебе... Сколько можно дышать вонью и ковыряться в трупах? Занялась бы воспитанием малыша, пока Лена...

– Вы решили? – перебиваю я, чувствуя, задыхаясь от гнева. – Вы сговорились и решили за меня, что мой сын мертв? Вы построили свое грязное маленькое счастье, даже не убедившись, что он погиб?

– Прекрати! Это не так! – лепечет она.

– Уходи, мама, – сиплю я хрипло.

– Что? Что ты сказала?

– Я сказала, уходи. Отсюда и из моей жизни. Я не хочу тебя больше видеть. Ни тебя, ни Лену, ни Олега... Для меня вас больше нет. Вы все – соучастники. Вы... предатели, мерзавцы!

– Да как ты смеешь! – возмущенно выкрикивает она. – Неблагодарная! Я тебе жизнь дала... А ты... ты готова разрушить все из-за своей гордыни! Ты пожалеешь об этом, Ки-

ра! Останешься совсем одна со своими мертвецами!

— Я уже давно одна, — отвечаю я. — Просто поняла это только вчера. А теперь уходи. Иначе я вызову охрану.

Мама смотрит на меня с ненавистью, поджимает губы, разворачивается и, хлопнув дверью так, что со стены падает картина, уходит.

Дверь тихонько открывается. На пороге стоит Тамара Игнатьевна с двумя чашками дымящегося чая.

— Я все слышала, — говорит она, протягивая мне одну. — У меня нет слов. Просто нет слов.

Я беру чашку, пальцы не слушаются. Ощущение, будто я... замерзла... В лед превратилась...

— Они похоронили его. Они все вместе его похоронили...

— Они похоронили свою совесть, — жестко обрывает Тамара Игнатьевна. — А ты, Кира, должна жить и искать сына... Теперь у тебя есть еще больше причин его найти и ткнуть их всех носом в их ложь.

Я делаю глоток горячего, сладкого чая, медленно приходя в себя...

— Вы правы. Я сейчас же позвоню адвокату.

— Кира, погоди... — касается моей руки Тамара Игнатьевна. — Ты же хирург, так?

— Да, но... А вы... Вы хотите...

— В зоне военных действий нужны хирурги. Патологоанатомы тоже нужны. Ты покрути эту мысль...

— Хорошо. Как я сразу не догадалась, что можно поехать

туда не в качестве матери пропавшего солдата...

Глава 7.

Кира.

За окном мелькают огни города, накрапывает дождь, спешат к автобусной остановке люди... Наблюдаю за вечерним пейзажем, не переставая думать...

Интересно, как мои родственнички спят ночью? Неужели, их ничего не мучит? Как, вообще, так можно?

Слова матери стучат в висках, как молот по наковальне. «Надежды почти нет». «Он не хотел тебя ранить». «Мы решили, что так будет лучше».

– Ты как? – тихо спрашивает Света, не отрывая взгляда от дороги.

– Нормально, – отвечаю глухо. – Я поняла одну вещь, Свет. Они не просто предали меня, они... Они хотели, чтобы Миша был мертв.

– Кир, не надо... Почему ты так решила? Он же сын и внук, он...

– Олег понимает, что Мишка никогда бы не одобрил его шашни с Леной и заступился за меня... Может, у них все началось раньше?

– Не накручивай, Кир. Тогда был жив муж Лены и...

– Она крутила хвостом и тогда, – отрезаю я. – Всегда была

слабой на передок.

– Ну, все, все... Хватит. Скоро все закончится. Что там Тамара говорила насчет работы хирурга? Ты всерьез решила попробовать?

– Да, у меня нет другого выхода. Иначе... В статусе волонтера я мало что узнаю...

Офис Марка Захаровича находится в старинном, каменном особняке. Светка соглашается на предложенный секретаршей кофе, разместившись на кожаном диване, я же... Нервно тереблю папку с документами, гадая, с чего начать разговор? Как правильно преподносить инфу? Нужно ли что-то скрывать или...

– Марк Захарович готов вас принять, – вырывает меня из задумчивости голос секретарши.

– Добрый вечер, – протягиваю, войдя в роскошный, просторный кабинет. – Меня зовут Кира, я вам звонила и...

– Марк Захарович, – кивает мужчина лет пятидесяти, с синими, пронзительными глазами. – У вас полчаса. Слушаю вас, присаживайтесь.

– Мой муж изменяет мне с моей младшей сестрой, Еленой, – начинаю я. – Она на втором месяце беременности от него. Вчера на мой день рождения, они... подарили мне эту новость. Преподнесли как подарок, понимаете? Сказали, что этот ребенок станет заменой моему сыну Михаилу, пропавшему без вести в зоне боевых действий.

Вайнштейн слушает молча, не меняясь в лице. Разве что

в его серых глазах мелькает что-то похожее на интерес.

— Цинично, — наконец произнес он. — Я бы даже сказал, новаторски. Что вы хотите, Кира Васильевна?

— Развод, — чеканю я. — Хочу забрать свою долю имущества, только и всего.

— Это выполнимо, — кивает Вайнштейн. — Что у вас в совместной собственности?

— Трехкомнатная квартира, куплена в браке. Две машины, одна на мне, другая на нем. Плюс у него свой небольшой бизнес — консалтинговая фирма. Я боюсь, что он попытается вывести активы, продать что-то или скрыть... У моей сестры очень большие аппетиты, она мечтает занять мою жилплощадь.

Адвокат делает несколько пометок в своем блокноте.

— Хорошо, я понял... План действий следующий: завтра утром мой помощник подаст в суд ходатайство об аресте его счетов. Он не сможет совершать крупные сделки, в том числе с недвижимостью... Это его отрезвит и выведет из равновесия.

— Отлично.

— Иск о разводе я составлю. А фирму он открыл в браке?

— Да.

— Замечательно. Значит, вы имеете право на долю и в ней. Мы проведем оценку и выставим ему счет. Он будет вынужден либо продать часть бизнеса, либо взять огромный кредит, чтобы с вами расплатиться.

Марк Захарович замолкает, внимательно глядя на меня.

– И... все? Так просто.

– Кира Васильевна, он не будет сидеть сложа руки. Он же у вас не дурачок?

– Господи, я уже не знаю, какой он... Раньше был умный и преданным, адекватным.

– Олег будет лгать, поливать вас грязью, попытается выставить вас сумасшедшей, потерявший связь с реальностью от горя... Его адвокаты будут давить на то, что вы сами недееспособны. Они будут пытаться сломать вас. Вы к этому готовы?

– Марк Захарович, я патологоанатом. Я каждый день смотрю на то, что остается от людей после того, как их ломают. Или убивают... Меня этим не сломать. Просто сделайте свою работу.

На губах Вайнштейна впервые появляется что-то похожее на улыбку.

– Мне нравится ваш настрой. Мои услуги стоят дорого.

– Деньги не проблема. Проблема – время. Мне как можно скорее нужно со всем этим покончить. После развода я уезжаю. Или... Если вы сможете обойтись без моего присутствия, то...

– Я сделаю все возможное, чтобы ускорить процесс. От вас мне нужна доверенность и копии всех документов на имущество. И прекратите с ним всякое общение. Теперь с вашим мужем говорить буду я.

– Да, посмотрите, вот все, что нашла дома, – я кладу на полированную поверхность стола толстую папку. – Свидетельство о браке, документы на квартиру, наши машины, выписки из банков.

– Интересно, – протягивает Вайнштейн. – Ваш муж так легко согласился взять выписку из банка? Откуда она у вас?

– Лежала на видном месте... Я так быстро собиралась, что схватила со стола все, что попало под руку. Мы скандалили...

Адвокат надевает очки в тонкой оправе и принимается перебирать бумаги...

– Так... квартира в долевой собственности, по одной второй. Стандартно, – бормочет он себе под нос. – Машины тоже. Счета... гм, интересно. Движение по счетам вашего мужа за последние полгода весьма активное. Крупные снятия наличными. Потребуем детализацию.

Он откладывает выписки и берет в руки договор купли-продажи нашей квартиры. Пробегает его глазами, потом смотрит на выписку из ЕГРН.

– Кира Васильевна, – поднимает он на меня взгляд. – Вы брали какие-либо кредиты под залог вашей квартиры?

Я отрицательно качаю головой.

– Нет. Никогда. Мы выплатили за нее всю сумму сразу, я продала тогда бабушкину дачу.

– Вы уверены? – он смотрит на меня в упор.

– Абсолютно. А что там? Выписка свежая, я ее заказала

через Госуслуги и распечатала на работе.

– Сами, видимо, не читали?

– Нет, не успела, – сиплю я. – А что там?

– Квартира находится в залоге у банка. Основание: кредит на десять миллионов, заключенный шесть месяцев назад. Заемщик – ваш муж, Волошин Олег Петрович. Вы выступаете созаемщиком и поручителем. Вот, – он разворачивает экран ноутбука. – Ваша подпись.

– Откуда это у вас? Как это...

– У меня есть доступ к базе Росреестра. Но вы можете запросить через Госуслуги копию.

Я смотрю на закорючку рядом с именем Олега. Она похожа на мою, но... это не моя подпись. Ледяной ужас затапливает грудь... Зачем ему понадобилось столько денег?

– Я... я не подписывала это, – мой голос дрожит. – Это подделка.

– Вот как? – тянет он. – Что же, Кира Васильевна, поздравляю. Ваш муж не просто неверный супруг, он еще и мошенник. Как называется его фирма?

– «Вектор-Плюс». Он говорил, что помогает другим фирмам с логистикой, оптимизирует поставки...

– Понятно, – кивает Вайнштейн. – Скорее всего, деньги понадобились ему именно для этого. Времена сейчас непростые. Многие логистические цепочки рухнули. А на обходных путях, импорте и поставках санкционных товаров можно прилично заработать. Деньги рискованные, часто полуле-

гальные, но огромные. Видимо, вашему мужу понадобился крупный стартовый капитал, чтобы влезть в какую-то очень выгодную, но мутную схему. А спрашивать разрешения у жены, рискуя единственным жильем, он не захотел. Проще было подделать подпись.

– И что теперь делать?

– Это меняет все, вы же понимаете? Это уже не просто гражданский процесс о разделе имущества, а уголовное дело. Мошенничество в особо крупном размере, подделка документов... И прочее...

– Господи... Выходит, я не смогу уехать искать сына? Останусь здесь, чтобы обивать пороги суда?

– Не торопитесь, – мягко поправляет меня Вайнштейн. – Теперь мы диктуем условия. Мы можем предложить ему сделку: он отдает вам квартиру, машину, половину прибыли от своих новых «проектов» и выплачивает моральную компенсацию, а мы не подаем заявление в полицию. Или он идет в отказ, и тогда его ждет не только позорный развод, но и вполне реальный тюремный срок.

Я сижу, глядя на поддельную подпись. Десять миллионов... Он взял их, чтобы крутить свои темные делишки, рискуя нашим домом. И все это время он лгал... Врал мне не только о Мише... Вся его жизнь, его бизнес – сплошная, отвратительная ложь.

Олег не просто предал меня. Он обворовывал меня, планируя выкинуть на улицу, оставив ни с чем.

– Нет, – говорю я тихо.

– Что «нет»? – не понимает адвокат.

– Никаких сделок, – поднимаю я на него взгляд. – Я хочу, чтобы вы использовали это и уничтожили его. И я хочу подать заявление в полицию, прокуратуру, ФСБ... Пусть его затаскают на допросы.

– Будет сделано, но... – пожимает плечами Марк Захарович, намекая на увеличение гонорара.

– У меня есть накопления, я оплачу вашу работу.

Глава 8.

Кира.

Господи, это же просто... дно... Теперь мне кажется, что измена – цветочки по сравнению с тем, что сотворил Олег. А, может, Лена знала обо всем? Скорее всего, да...

Ее покойный муж был игроком и частенько водился со странными людьми из криминального мира... Неужели, она свела и Олега с ними?

Вылетаю из офиса Вайнштейна, не чувствуя ног... Мне плохо, воздуха не хватает... Как он мог? Это же так много... Десять миллионов... Как он провернул все это? Неужели в одиночку?

Падаю на переднее сиденье машины Светы и хлопаю дверью.

– Свет, поехали... Это кошмар... – шепчу я, глядя в одну точку.

– Кира, ты белая как стена. Что он нашел? – Света заводит мотор, с тревогой поглядывая на меня.

– Он заложил квартиру, Свет. Десять миллионов. Подделал мою подпись еще полгода назад. Он влез в какую-то логистическую схему, серый импорт или черт знает, что еще. Олег поставил наш дом под удар, он готовился. Он все это

время строил запасной аэродром...

Света резко бьет по тормозам, останавливаясь на светофоре.

– Что?! Олег? Этот правильный, занудный Олег, который чеки из супермаркета хранит три года? Подделал подпись? Кира, это же... это срок. Это реальный уголовный срок!

– Именно, – горько усмехаюсь я. – Вайнштейн сказал, что я могу потребовать у Олега добровольно выплатить мне половину в обмен на мое молчание... Но... Я хочу его уничтожить, Свет!

– Подумай, Кир... Ты потеряешь уйму времени. Мишу могу признать погибшим, тогда... все... Сама понимаешь, никто не станет подключать к поискам мертвеца людей. Пока он числится пропавшим без вести, у нас есть шанс.

– Я тоже подумала об этом, – со вздохом отвечаю я. – Марк Захарович сказал, что они без меня справятся. Мое присутствие на заседаниях не требуется. Его услуги стоят очень дорого, Свет... Придется распрощаться со всеми накоплениями ради справедливости.

– Все равно нужно все хорошенько взвесить.

Телефон непрерывно вибрирует в сумке...

«Олег», «Олег», «Мама», снова «Олег». Я не отвечаю... Вайнштейн приказал с ними не общаться – я выполняю требование... Время разговоров по душам прошло... Пусть теперь мой благоверный гадает, почему его счета внезапно заблокированы?

Проходит три дня. Живу я у Светы, хожу на работу, самозабвенно выполняя обязанности и заполняя протоколы.

Утро четвертого дня начинается не с будильника, и уж, конечно, не с кофе, а с бешеного грохота в дверь. Кто-то лупит по металлу кулаками и, кажется, ногами.

– Кира! Открывай, я знаю, что ты там, крыса подвальная!
– визжит Лена.

Я вскакиваю с дивана. Света выбегает из спальни, кутаясь в халат.

– Это что, Лена? Она с ума сошла?

– Открой, – произношу я холодно. – Пора заканчивать этот цирк.

Света поворачивает замок, и Лена буквально вваливается в прихожую. Она выглядит отвратительно: тушь размазана по щекам, волосы всклокочены, пальто накинуто прямо на домашние штаны. Но в ее глазах – не раскаяние, а злоба.

– Ты что творишь, дрянь?! – орет она, бросаясь ко мне. – Ты зачем счета арестовала? Олегу бизнес заблокировали! У него фуры на границе стоят, неустойка капает! Ты понимаешь, что ты нас по мирупустишь?!

– Нас? – скрещиваю руки на груди, чувствуя, как внутри закипает ярость. – Быстро же ты приватизировала моего мужа и его грязные деньги.

– Он отец моего ребенка! – истерично визжит Лена, а на ее лице расцветает болезненный румянец. – Нам сейчас деньги нужны как никогда! Обследования, клиника, мне рожать

скоро! А ты... ты из-за своей зависти решила нас уничтожить? Потому что сама пустоцвет? Потому что твой сын сгинул, и ты хочешь, чтобы все вокруг тоже сдохли?!

Я делаю шаг к ней... Лена невольно вжимается в стену.

– Мой сын не «сгинул», Лена. А твой «благородный» Олег – вор и мошенник. Он подделал мою подпись и заложил квартиру. Ты знала об этом, когда ноги перед ним раздвигала? Знала, что он ворует у собственной жены?

– Да мне плевать! – выплевывает она. – Плевать на твою квартиру! Олег – мужчина, он должен крутиться! Он хотел как лучше! Он хотел, чтобы у нас с ним всё было, понимаешь? А ты – балласт! Ты вечно со своими трупами, вечно в трауре! Ты его душила своим Мишей!

– Убирайся, – шепчу я, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота.

– Не уберусь! – Лена замахивается сумочкой. – Ты сейчас же звонишь своему адвокату и отзываешь иск! Ты откажешься от раздела бизнеса и квартиры! Слышишь? Олег сказал, если ты не уgomонишься, он... он...

– Что он? – усмехаюсь я ей в лицо. – Еще одну подпись подделает? Лена, посмотри на себя. В кого ты превратилась? Сестра, что с тобой стало?

– В кого? Ты всегда была моралисткой, Кира. Идеалисткой хреновой! У тебя только белое или черное...

– Это не так... Я лучше тебя знаю, какая жизнь, Лена... Если тебе так нужен мой муж – забирай его с потрохами. У

вас же любовь, ведь так? Я не ошиблась? – язвительно произношу я.

– Еще какая! Тебе о такой и не снилось.

– Тогда для тебя не будет проблемой... безденежье, дорогая сестренка. Любовь все перенесет. И все стерпит... Зачем ты пришла ко мне? Я не понимаю, как ты можешь требовать что-то? Ты хоть на секунду понимаешь, что ты сделала? Ты ждешь ребенка от того, кто даже не попытался найти своего дитя...

– Да нечего там искать! – визжит Лена. – Нет его! И не было никакой надежды! Олег сразу сказал маме, что новый ребенок – шанс избавиться от культа Миши и начать нормальную жизнь! Со мной и нормальным ребенком, который не попрется на войну!

Не могу больше слушать этот бред... Они просто пробили дно, оба...

– Пошла вон, – я хватаю её за локоть и рывком тащу к двери.

– Пусти! Больно! Я беременна! Ты мне ребенка убьешь, тварь! – Лена вцепляется в дверной косяк, продолжая орать. – Ты просто злая, одинокая сука! Ты сдохнешь в своем море, и никто о тебе не вспомнит!

– Вон! – я выталкиваю её на лестничную клетку. – Передай своему подельнику, что я подаю заявление о мошенничестве. А ты, Леночка, суши сухари для Олега.

Я захлопываю дверь и закрываю лицо ладонями. Снаружи

еще несколько минут слышатся удары и проклятия, а потом наступает тишина.

Меня трясет. Рыдания теснят грудь, слезы струятся по щекам... Когда же это кончится, мамочки? За что они так со мной? Может, она права, и во мне что-то не так?

Света молча подходит и обнимает меня за плечи.

– Какая же она гнилая, Кир... До самого дна гнилая.

– Светка, я жалела ее... Беременность Лены меня тормозила, но теперь я понимаю, что там некого спасать... И мне их совсем не жаль. Ни капельки... Все, что ей было нужно от Олега – деньги и квартира... Иначе она бы не пришла.

– Конечно, не пришла бы... А ты уверена, что отец Олег? По какой причине у вас не получалось забеременеть?

– Хороший вопрос... Кстати, ты подкинула мне идею. Я могу проверить, кто отец ребенка. У меня полно связей в медицине. Узнать, у кого Лена наблюдается, не составит труда. Только надо ли оно мне?

– Не надо... Олежек будет счастлив воспитывать чужого ребенка. Так, ему и надо...

Глава 9.

Кира.

Стою, прислонившись спиной к стене, и глубоко дышу, заставляя дрожь в руках утихнуть.

– Вот и все, – говорю я тихо, глядя в пустоту.

– Что «все», Кир? – Света подходит ко мне с чашкой воды. – Ты молодец, что выгнала ее. И хватит уже об этом... Они не заслуживают, чтобы мы так много о них говорили. Пусть разбираются сами со своей жизнью... Но... Просто из вредности ты же можешь узнать, от кого ребенок Лены?

– Да могу, могу... Но сначала... Свет, мне нужно позвонить Вайнштейну.

– Давай, подруга, жги.

Я набираю номер адвоката. Он отвечает сразу.

– Марк Захарович, доброе утро. Я как раз подумала и...

– Решили пойти на сделку? Передумали?

– Ни в коем случае! Напротив – утвердилась в своем решении поступить с мужем по справедливости.

– Разумное решение, Кира Васильевна, – в его голосе слышится удовлетворение. – У него было время подумать и изменить решение. Но... Олег поступил как поступил... У вас что-то еще?

– Я заключаю контракт с Министерством обороны. Уезжаю работать врачом в прифронтовой госпиталь.

– Вот как... – тянет он. – Смелый шаг. Это усложнит ведение дела, но не сделает его невозможным. Мне от вас понадобится генеральная доверенность, чтобы я мог представлять ваши интересы не только в суде, но и во всех инстанциях.

– Я сегодня же ее сделаю у нотариуса и привезу вам. И еще... Я не хочу, чтобы в квартире находились посторонние в мое отсутствие. Никаких Лен и... прочих дамочек.

– Понял вас, я свяжусь с участковым по вашему району. Увидимся после обеда.

– Да, пока...

Положив трубку, я поворачиваюсь к Свете.

– Ты с ума сошла? – шепчет она. – Какой госпиталь? Кира, это опасно!

– Свет, я жалею, что надеялась на Олега и не сделала этого раньше. Другого способа быть подобраться к правде о Мише у меня нет. Это единственное, что имеет сейчас значение.

Весь день я бегаю по городу как сайгак... Подписываю у нотариуса доверенность на имя Вайнштейна, давая ему карт-бланш. В экспресс-режиме прохожу медкомиссию: терапевт, хирург, окулист, ЭКГ, анализы. Вердикт: «здорова». Пользуясь связями, почти без очереди прохожу освидетельствование у психиатра и нарколога.

Только на следующее утро, с толстой папкой документов

и медицинским заключением, я еду в военкомат.

Военком – полковник Ипатьев внимательно изучает мои бумаги.

– Так, – говорит он, откладывая в сторону заключение медкомиссии. – Значит, решение у вас не спонтанное. Подготовились.

– Я не принимаю спонтанных решений, товарищ полковник.

– И тем не менее, – он смотрит на меня в упор. – Одно дело прийти на эмоциях, и совсем другое – пройти все круги бюрократического ада и не передумать. Объясните мне еще раз, зачем вам это? У вас здесь хорошая работа, стабильная жизнь. А там... там совсем по-другому, Кира Васильевна. Там нет белых халатов и стерильных операционных. Там грязь, кровь и работа по восемнадцать часов в сутки под звуки, к которым вы не привыкли. Только не надо сказок про помощь людям и прочее бла бла... Давайте начистоту.

– Мой сын, старший лейтенант Михаил Олегович Волошин, числится пропавшим без вести восемь месяцев. Н-ская бригада. Я не строю иллюзий и понимаю, что в статусе волонтера не добьюсь правды...

– Правильно понимаете. Военная тайна, и все такое... О некоторых вещах старательно умалчивают.

– О каких... вещах? – сдавленно произношу я.

– О пленных, Кира.

– Я не прошу отправить меня в его часть с поисковой мис-

сией. Но я могу спасти таких же мальчишек, как он. А если мне повезет... я услышу его имя, хоть какую-то весточку...

— Врачи нам действительно нужны, — выдыхает он. — Особенно хирурги с вашим опытом. Курсы по военно-полевой хирургии вам все равно придется пройти, но мы организуем их в ускоренном режиме, прямо на месте, на базе распределительного центра. Это займет не больше двух недель.

— А куда меня могут направить? — спрашиваю я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Распределение идет по потребностям фронта, — сухо отвечает он. — Я не могу вам ничего обещать. Но... — он замолкает, открывая какой-то журнал на столе. — В секторе, где пропала Н-ская бригада, сейчас разворачивают новый мобильный госпиталь. Им катастрофически не хватает хирургов. Я могу внести в ваше личное дело соответствующую рекомендацию. Это не приказ, но к мнению из центра обычно прислушиваются.

— Этого больше, чем достаточно, — встаю я. — Спасибо, товарищ полковник.

— Не за что меня благодарить, — хмурится он. — Возвращайтесь живой. И сына своего найдите.

Глава 10.

Кира.

Не перестаю думать о поездке... Мне нужна одежда, обувь потеплее... Весь день думаю о том, что на антресолях остались большая сумка и резиновые сапоги с утеплением. Прощаюсь с девочками и решаюсь заехать домой...

Ну, не съест же меня Олег, в самом-то деле?

Паркуюсь и опасливо озираюсь по сторонам... Машины его нет, слава богу... Поднимаюсь на этаж и вставляю ключ в замочную скважину...

Странно, но он заходит лишь наполовину. Надавливаю сильнее – бесполезно. Присаживаюсь, замечая, что личинка замка новенькая, без единой царапины.

Олег поменял замки? Господи, да как он посмел?

Несколько секунд я просто смотрю на металлическую заглушку. Прячу ключ в карман, испытывая глухое раздражение... У меня там остались теплые вещи, термобелье, удобные ботинки – всё то, что мне сейчас жизненно необходимо. Я не собиралась выносить мебель или скандалить, черт бы его побрал!

Достаю телефон и набираю номер мужа. Гудки идут долго, он явно раздумывает, брать ли трубку. Наконец, отвечает.

– Чего тебе? – надменно протягивает он.

– Я стою перед дверью, Олег. Открой. Мне нужно забрать свои вещи.

– Твои вещи? – он издает короткий, истеричный смешок.
– А у тебя здесь есть вещи? Ты же решила меня по миру пустить, стерва. Из-за твоего дружка-адвоката у меня заблокированы счета! У меня срываются поставки!

– Это последствия твоих действий. Ты подделал мою подпись, дорогой. Открой дверь, я заберу зимнюю одежду и уйду. Я не собираюсь с тобой ругаться.

– Пошла вон оттуда! – срывается на крик Олег. – Никаких шмоток ты не получишь! Пусть твой Вайнштейн тебе куртки покупает! Ты думала, арестуешь квартиру, и я буду перед тобой на задних лапках прыгать? Лена из-за тебя вчера с давлением слегла! Если с моим ребенком что-то случится, я тебя уничтожу, Кира!

Я прикрываю глаза, массируя пальцами переносицу. Боже, какой же он жалкий.

– Меня это не касается, Олег... Ни твой, нагулянный ребенок, ни фуры... Пусти меня в квартиру, или я вызову МЧС и полицию, и мы вскроем дверь на законных основаниях. Я все еще здесь прописана и являюсь собственницей половины этого жилья.

На том конце провода повисает тяжелая пауза. Что-то трещит, падает, разбивается... Он понимает, что я права, и еще больше бесится...

– Слушай меня внимательно, тварь, – шипит он, понизив голос. – Подавись этой квартирой. Мы с Леной переедем. Но машину ты мне вернешь сегодня же.

– Машину? – я хмурюсь. Я приехала на своем «Фольксвагене», на котором езжу уже пять лет.

– Да, машину. Ты, видимо, забыла, что она оформлена на мою фирму? В лизинге была, помнишь? По бумагам – это собственность ООО «Логистик-Плюс». Моя собственность.

– Мы покупали ее в браке, и половину стоимости я вносила со своей карты.

– Мне плевать, что ты там вносила! По документам она моя. Если через два часа ключи не будут лежать на охране в моем офисе, я звоню в ГИБДД и пишу заявление об угоне.

– Ты совсем спятил? Какой угон?

– Обыкновенный! – злорадно чеканит Олег. – Скажу, что бывшая жена незаконно завладела транспортным средством компании. Тебя остановят на первом же посту, вытащат из салона мордой в асфальт, а тачку заберут на штрафстоянку. Хочешь к своим судам еще и проблем с полицией? Я тебе их устрою. Ты у меня пешком ходить будешь, побирушка!

Я молчу. Стою в пропахшем пылью и едой подъезде, сдерживая подступающие рыдания... Не из-за машины или курток, вовсе нет... Мы с ним находимся в совершенно разных измерениях. Он цепляется за железки, тряпки, квадратные метры, пытается уколоть меня побольнее, выторговать себе комфорт.

А у меня перед глазами лицо Миши. Все остальное не имеет смысла без него...

– Забирай, – спокойно говорю я.

– Что? – Олег явно не ожидал такой реакции.

– Забирай машину. Я припарковала ее у третьего подъезда. Ключи сейчас брошу в почтовый ящик. Подавись ей, Олег. Вместе со всеми вещами, которые остались в этой квартире.

– Ты... ты не думай, что это конец! – неуверенно блеет он.

– Я подам встречный иск!

– Мне все равно. Общайся с моим адвокатом.

Я сбрасываю вызов. Снимаю брелок с ключами от «Фольксвагена», спускаюсь на первый этаж и, даже не дрогнув, бросаю их в щель нашего почтового ящика.

Выхожу на улицу. Холодный ветер забирается под легкий плащ, но я не обращаю внимания – иду к автобусной остановке, обходя лужи. В голове удивительная легкость. К черту Олега, его Лену, машину... Смартфон некстати оживает в сумочке... Вынимаю его, ожидая увидеть номер Лены или мамы, но на экране высвечивается незнакомый городской номер.

– Алло?

– Кира Васильевна Волошина? – звучит строгий женский голос.

– Да, слушаю.

– Это из управления кадров военного округа. Вы подава-

ли заявление на заключение контракта. Полковник Сидоров передал ваше личное дело на ускоренное рассмотрение.

Я останавливаюсь прямо посреди тротуара. Сердце пускается в пляс, больно толкая ребра.

– Да. Я жду вашего звонка.

– Ваша кандидатура утверждена, допуск получен. Группа медицинских работников для отправки в мобильный госпиталь номер двести сорок формируется сейчас в распределительном центре.

– Когда отправка? – прочитав горло, уточню я. – Куда именно?

– Отправка через две недели, ровно в восемь утра со сборного пункта. Госпиталь разворачивается в N-ском секторе. Точные координаты узнаете на месте, по прибытии. С собой иметь необходимые личные вещи, остальным обеспечит Министерство обороны. Вы подтверждаете готовность?

N-ский сектор. Тот самый сектор, где пропала бригада Миши. Сидоров сдержал слово!

– Да, – твердо говорю я. – Подтверждаю. Буду в назначенное время.

– Отлично. Ждем вас. Документы на подпись будут готовы к вашему прибытию. До свидания.

– До свидания.

Господи... Прижимаю руки к груди и пытаюсь отдышаться... У меня есть ровно четырнадцать дней, чтобы купить себе новые берцы, теплые вещи, оформить последние дове-

ренности и попрощаться со Светой...

Поднимаю воротник плаща и шагаю вперед.

Глава 11.

Олег.

Жму «отбой» и брезгливо швыряю телефон на диван.

– Вот же... дрянь... Всю душу мне вытрепала, гадина, – цежу под нос. Ну а я-то... хорош... Уделал ее, сломал... Внутри клокочет злорадное удовольствие. Я победил, заткнул Киру за пояс, поставил на место. Хотела войны – получи. Будет теперь пешком ходить, гордая моя птичка.

Ключи от ее «Фольксвагена» лежат в почтовом ящике. Сжимаю их в кулаке и поднимаюсь в квартиру... Моя машина, моя квартира, моя жизнь... Все мое! Она здесь больше никто.

Свобода пахнет пылью и пустотой, а не полезной едой, духами и средствами для уборки... И это прекрасно.

Нужно вытравить ее дух из квартиры окончательно. Я набираю номер Лены.

– Привет, котенок. Как ты? Давление прошло?

– Нормально, – устало протягивает она. – Не дождетесь.

– Даже не думал, – стараюсь говорить бодро, как положено победителю. – Слушай, у меня предложение. Я сейчас в нашей квартире. Приезжай. Будем наводить порядок в нашем будущем доме. Поможешь мне выкинуть хлам.

– Какой хлам?

– Весь, что остался от прошлой жизни, – говорю я, распахивая дверь гардеробной. – Ты же хотела новую шубу? Тут есть одна, норковая, в пол. Она ее пару раз надела.

Лена недовольно пыхтит в трубку, а потом холодно выпаливает:

– Ты идиот, Олег? Я не буду донашивать вещи за твоей бывшей. Я что, по-твоему, нищенка?

– Лен, да я не к тому... – спешу я исправить ошибку. – Просто вещь хорошая, дорогая...

– купишь мне новую и лучше, когда разберешься со своими проблемами. Я приеду, но только чтобы помочь тебе убраться. Жди.

Она приезжает через полчаса. Входит в квартиру как хозяйка, осматривается с легким презрением.

– М-да. Вкуса у нее, конечно, ноль. Все серое, бежевое... Как в операционной. Я раньше из вежливости молчала... Нахваливала ее ремонт...

– Зато чисто, – машинально брякаю я и тут же осекаюсь.

Лена испепеляет меня взглядом.

– Мы все здесь переделаем. Сделаем яркие стены, поставим новую мебель...

– Конечно, котенок. Все, как ты захочешь. Но для начала, – киваю на огромные черные мешки для мусора, которые принес с собой, – помоги мне провести дезинфекцию.

Мы начинаем с гардеробной. Я безжалостно сгребаю с ве-

шалок ее платья, блузки, идеальные брючные костюмы. Все то, в чем она ходила на свои конференции, что так берегла.

– Смотри. Это же Prada, – вытаскиваю какое-то шелковое платье. – Надень, примерь, тебе пойдет.

– Убери, – морщится Лена. – Я сказала, я не буду это надевать. Мне противно.

– Дура, это же почти десять штук баксов!

– Значит, у тебя будет на десять штук баксов меньше долгов, когда ты это продашь, – парирует она и начинает вытаскивать из ящичков ее белье – кружевное, дорогое – и с отвращением бросать в мешок. – Вот это все точно на помойку.

Я смотрю на Лену, ощущая укол раздражения. Даже здесь выпендривается, фифа... Но спорить не хочется – не то настроение. Сгребаю вещи в мешок. Когда-то я тратил на них большие деньги, теперь это просто мусор.

Мой взгляд падает на прикроватную тумбочку с ее стороны. Открываю ящик, там кремы, сыворотки, какие-то ампулы. А под ними – то, что я ищу – шкатулка с украшениями. Не сейф, конечно – так, повседневное. Цепочки, серьги, кольца. Я высыпаю содержимое на кровать.

– Ну, от этого ты ведь не откажешься? – усмехаюсь я. – Золото – оно и в Африке золото. Ему все равно, кто его носил. Выбирай.

Лена подходит, смотрит на горку побрякушек. Берет в руки тонкий браслет с подвесками.

– Это Миша ей дарил, – тихо говорит она.

– Тем более, – пожимаю я плечами. – Память.

– Нет. Я не хочу ничего, что связано с ним. И с ней. Продай все это и закрой дыры в бюджете.

Лена отворачивается и идет в кухню, а я бездумно плююсь на кучку золота... На тумбочке лежит фоторамка. Я, Кира и маленький Мишка на пляже. Ему лет семь. Он сидит у меня на плечах, счастливый, беззубый.

И тут меня накрывает.

Не жалостью или любовью, нет.... Мерзким, липким воспоминанием.

Пыль, жара под сорок... Я сижу в прокуренном УАЗике у блокпоста. Дальше – «серая зона». Пахнет соляжкой и сигаретами. Молодой капитан, кому я сунул в карман пачку долларов, качает головой.

– Туда нельзя, Олег. Поверь мне. Там наши два дня назад в котел попали. Местные поднялись, какой-то урка власть захватил. Они не просто стреляют, Олег. Они режут, пытаются, трофеи собирают. Мы сами туда сунуться боимся, ждем приказа.

– Но там была его часть, – упрямо твержу я. – Мне нужно в тот квадрат. Квадрат Д-4.

– В Д-4? – капитан смотрит на меня, как на сумасшедшего. – Мужик, ты жить хочешь? Оттуда никто не возвращается, там ад. Даже если твой пацан и выжил, то он либо в плену у этих отморожков, либо прячется где-то в лесополосе. Тебе, гражданскому, туда соваться – самоубийство. Через час

найдут в канаве с перерезанным горлом. Оно тебе надо? Хотя... Два таких же настойчивых отца пошли... Заболоцкий и Гринев, кажется...

– Да, Мишка дружил с кем-то из них, помню фамилию Гринев, – спохватываюсь я.

– Они пошли, идиоты... Полягут, как и их сыновья... А ты оставайся...

Я смотрю на уходящую вдаль дорогу, представляя бородатых мужиков с ножами, и... И понимаю, что я боюсь до усрачки. До тошноты просто... Я не герой, а бизнесмен. Я хочу жить, пить холодное пиво, спать с женщиной в чистой постели.

– Понял, – киваю я капитану. – Спасибо за информацию.

Разворачиваю машину и всю дорогу обратно – в безопасную зону с чистой гостиницей – репетирую слова для Киры. Чеканю формулировки. «Был, искал, говорил с командирами. Никто ничего не знает, шансов нет».

Я вру ей, глядя в ее полные надежды глаза. Вру складно, убедительно. И она верит, что я смелый, сильный и... И что взаправду искал.

А я просто струсил.

– Олег? Ты чего застыл?

Голос Лены вырывает меня из воспоминаний. Смотрю на фотографию в своих руках – счастливого мальчика, еще молодого себя, и к горлу подкатывает легкая тошнота, совсем чуть-чуть.

Эта червоточина грызет меня уже несколько месяцев.

– Ничего! – резко швыряю фоторамку в мусорный мешок вместе с платьями и бельем. Стекло дребезжит, разбиваясь.
– Задумался. Надо быстрее с этим мусором заканчивать.

Я завязываю тугой узел на первом мешке. Прочь, все прочь...

Прошлую жизнь, ошибки, страх.

Главное – не думать об этом. Я о жизни своей думал, кто меня осудит?

А мертвым уже ничего не нужно.

Глава 12.

Кира.

Господи, кажется, я ничего не успею за две недели... Утро начинаю с пробежки и занятий на открытой, спортивной площадке... Отжимаюсь, подтягиваюсь, стремясь вернуть телу силу и бодрость...

Днем бегаю по магазинам – не элитным бутикам, а суровым, пахнущим брезентом и оружейной смазкой «военторгам».

Застываю перед стеллажом с обувью, глядя на тяжелые, армейские ботинки на толстой, рифленой подошве.

– Хороший выбор, – говорит продавец – коренастый мужчина с выцветшими татуировками на руках. – Неубиваемые. И ногу держат как надо. Себе берете?

– Себе, – киваю я, проверяя шнуровку. – А летний вариант есть?

– Есть, конечно, вот, – коротко роняет он.

Я покупаю обувь, три комплекта термобелья, футболки, плотную флисовую кофту, тактический рюкзак и непромокаемый дождевик цвета хаки. Покупки приближают меня к одной-единственной цели...

Я не думаю о квартире, машине или Олеге... Плевать на

них... Мне бы только успеть все уладить до отъезда...

Раз в два-три дня звонит Вайнштейн.

– Кира Васильевна, добрый день. Как вы?

– В порядке, Марк Захарович. Готовлюсь, вещи покупаю...

– Отлично. Можете подъехать завтра к одиннадцати? Нужно подписать пару ходатайств по обеспечительным меркам. Мы запрашиваем информацию о движении средств на счетах компании вашего супруга за последний год. Есть подозрение, что он выводил активы.

– Конечно, я буду.

После работы бегу домой к Светке... Мы ужинаем, моем посуду. Я вываливаю на кухонный стол старые свидетельства, договоры с банками и прочее, решив навести порядок в папке с документами... Света болтает с кем-то из знакомых, а я краем уха слышу ее щебетание. Но одна фраза не заставляет меня замереть...

– Да нет, это не ее страница, это страница его новой пассив, Лены... Да, той самой. Что-то продаёт, по-моему...

Света замолкает, ее взгляд встречается с моим. Я вижу, как она бледнеет.

– Перезвоню, – коротко бросает она в трубку.

– Что там, Света? – спрашиваю я, но внутри все холодеет.

– Кир, это просто ужас... Они совсем сдурели...

– Покажи.

Она неуверенно протягивает мне телефон... На экране –

страница моей сестры в социальной сети – яркие, вульгарные фото в обнимку с Олегом. А среди них – несколько постов, выложенных час назад.

«Продается норковая шуба в идеальном состоянии, почти не ношена. Размер 44. Недорого».

К посту прикреплены фотографии моей шубы... Лена, не стесняясь, сфоткала ее прямо в нашей спальне...

«Распродаю ювелирные украшения из личной коллекции. Золото 585 пробы, белое золото, бриллианты. По всем вопросам обращаться в личку».

И снова карусель из фотографий: мамин золотой браслет, подаренный мне на тридцатилетие. Серьги с сапфирами – подарок Олега на годовщину. Кольцо, комплекты с изумрудами и янтарем...

Она решила нажиться на моих вещах – костюмах, дорогих туфлях и платьях...

Они не просто выбросили мои вещи – предатели решили на них заработать. Господи, похоже, им снова удалось меня удивить...

– Сволочи, – выдыхает Света. – Какие же они мелочные сволочи!

Она за все заплатят... Видит бог, я хотела по-хорошему – не вышло...

Я набираю номер Вайнштейна.

– Марк Захарович, извините за поздний звонок. У меня срочное дело.

– Слушаю вас, Кира Васильевна. Что случилось?

– Моя сестра и мой бывший муж продают мои личные вещи, доступ в квартиру мне заблокирован.

– Ценные вещи?

– Да, шуба, она... Мы покупали ее за два миллиона. Лена выставила посты, там...

– Успокойтесь, Кира... Это меняет дело. Это уже не семейная ссора, а кража и самоуправство. Уголовный кодекс, статья 330.

– Что мне делать?

– Никаких звонков и сообщений им. Завтра утром вы пойдете к своему участковому и напишете заявление. Составьте список украденных вещей, укажите примерную стоимость. Я подготовлю для вас образец. И после того как вы подадите заявление, я сделаю пару звонков и... Думаю, работа следователя по вашему делу после моего вмешательства пойдет быстрее.

– Они ведь скажут, что это их вещи, – безжизненно говорю я.

– Пускай, – усмехается Вайнштейн. – У вас сохранился чек после покупки шубы?

– Вроде да... У меня есть десяток семейных фотографий, там видны украшения. Они на мне... И шуба...

– Поверьте, для хорошего следователя это будет очень интересное и простое дело. Они решили действовать грязно, Кира. Что же... Пусть теперь ожидают последствий...

– Спасибо, Марк Захарович.

– Действуйте, – чеканит он. – А я подготовлю сюрприз.

Со вздохом прощаюсь и завершаю разговор.

Света смотрит на меня с тревогой.

– Ты уверена? Это же Лена... твоя сестра...

– У меня больше нет сестры, Света, – твердо отвечаю я, открывая ноутбук и отыскивая посты Лены. – Есть воровка, которая ответит за все по закону.

Боже, это когда-нибудь кончится? Ощущение, будто фронт не только там, но и здесь...

Глава 13.

Лена.

Паркую старенький «Пежо» у мусорных баков за домом Олега. Точнее, теперь уже нашим домом. Фух, еле успела... Какого черта он поперся выбрасывать ее вещи в мусор? Придурак... Аристократ хренов.

Злость кипит во мне с самого утра! Неужели, ему не жалко? Как можно было просто взять и... выкинуть ее барахло? Там же шмоток на целое состояние!

Выхожу из машины, озираясь по сторонам... Только бы не встретить никого... Фу, мерзость какая, ну и вонь... Но я же актриса – могу сыграть что угодно, даже брезгливость... Если быть честной, когда речь идет о деньгах, о ней можно и забыть... Заглядываю в ближайший контейнер – вот они, красавчики! Все на месте – три огромных, туго набитых черных мешка.

– Ну, Олежек, ну ты и олух, – бормочу я себе под нос, вытаскивая первый мешок – он тяжелый до чертиков... – Дезинфектор хренов.

Закидываю мешки в багажник и на заднее сиденье. Руки пахнут помойкой, но мне плевать. Внутри меня растекается азарт...

Дома я вываливаю содержимое мешков прямо на пол. Боже мой! Платья от Prada, костюмы от Armani, туфли Jimmy Choo. И все почти новое! Эта мымра серая, моя сестрица, надевала вещь один раз и вешала в шкаф. Аккуратистка чертова.

– Вот дурак, – причитаю я, приглаживая шелковую блузку. – «Просто вещь хорошая, дорогая...» Да за одну эту блузку можно месяц жить! А он – на помойку!

Перебираю вещи, как пират, дорвавшийся до сокровищ. Белье, конечно, в топку – брезгую... А вот все остальное... Это же целая гримерка! И шкатулка, мамочки... Я открываю ее и ахаю. Цепочки, кольца, серьги. Да, не бриллианты в десять карат, но все равно – живые деньги.

Нужно посоветоваться с кем-то умным – не с Олегом. Этот валенок опять все испортит. Набираю номер Марселя.

– Звезда моя, ты где? – мурлычу в трубку.

– В театре, где же еще, моя королева? Репетирую нашу сцену любви. Но без тебя она пресна, как кипяченая вода, – распинается он.

– Лечу к тебе, Марсик. Есть разговор. Очень... прибыльное дело.

Марсель – мой партнер по сцене и, когда Олег занят, по постели. Он не богат, зато хитер как лис, и лишен всяких моральных принципов. Идеальный советчик.

Я врываюсь к нему в гримерку, едва дождавшись перерыва.

– Ты не представляешь, что мой идиот натворил! – с порога заявляю я, бросая на стол сумку со сложенными в нее украшениями.

– Опять не тот сыр купил, моя богиня? – он лениво отрыгается от зеркала, переводя взгляд со своего напыщенного отражения на меня.

– Хуже! Он выбросил все шмотки Киры! Prada, Gucci, норковую шубу! Я все с помойки забрала! И вот это! – высыпаю на стол содержимое шкатулки.

Глаза Марселя загораются алчным огнем. Он берет в руки браслет, взвешивает на ладони.

– Леночка... Детка... Да это же золотая жила!

– Вот и я о том же! Олег хотел, чтобы я это донашивала. Представляешь? Я!

– Он кретин, мы это давно установили, – отмахивается Марсель. – Слушай сюда, детка – это нужно быстро и потихому продать...

– Как? Через ломбард? Они же копейки дадут.

– Зачем ломбард? У тебя есть нельзяграм. Десятки тысяч подписчиц, млеющих от твоего таланта. Сфотографируем все красиво, напишем душещипательную историю. «Распродаю фамильные ценности, нужны деньги на новый проект». Они с руками оторвут, особенно шубу. Можешь написать, как тебе тяжело живется после гибели мужа...

– А Олег? Он же узнает!

– А что Олег? Он же влюблен в тебя по уши, проглотит.

Главное, сделать все быстро, пока твоя сестрица не очухалась.

Идея гениальна в своей простоте. Мы тут же, в примерке, раскладываем на бархатной обивке стула украшения, фотографируем. Потом я еду домой и фоткаю висящую на вешалке шубу. Пишу слезливый пост. Ну все, готово! Остается только ждать...

Олег не в курсе. Я сказала ему, что уехала к подруге с ночевкой... Он и ухом не повел.

Смартфон оживает уже через четыре часа! Отвечаю абоненту с незнакомым номером...

– Алло, здравствуйте. Я по поводу шубки... – голос у незнакомки приятный, немного робкий. – Она еще не продана?

– Здравствуйте! Нет, еще в наличии, – мурлычу я в трубку, чувствуя себя бизнесвумен.

– Ой, как хорошо! А можно ее посмотреть? Я просто очень боюсь покупать такие дорогие вещи без примерки.

– Конечно, можно. Где вам удобно встретиться?

– Давайте где-нибудь в центре? Может, на парковке у торгового центра «Европейский»? Через часик? Я буду на серебристом «Рено».

– Договорились, – сбрасываю звонок я.

Лохушка попалась. Так быстро! Я уже представляю, как шуршат в моих руках купюры. Хватит и на новые сапоги, и на сумочку.

Я бережно упаковываю шубу в чехол, кладу на заднее сиденье. Подкрашиваю губы и выезжаю. На парковке я легко нахожу серебристый «Рено». За рулем сидит миловидная женщина лет сорока. Я паркуюсь рядом.

Она выходит мне навстречу, улыбается.

– Елена Васильевна Градова?

– Она самая. Шубку привезла. Деньги готовы? – говорю я деловито, открывая заднюю дверь.

– Деньги подождут, – твердо отвечает женщина, вынимая из кармана красную корочку. – Старший лейтенант Сомова.

Замираю с чехлом в руках. Мозг отказывается понимать происходящее. Это... розыгрыш?

– Вы... шутите?

– Никаких шуток, гражданка Градова. Пройдемте.

Из соседней машины выходят двое мужчин в штатском. Один из них берет меня под локоть.

– Это недоразумение! Это моя шуба! Мне ее подарили! – лепечу я, а сердце ухает куда-то в пятки.

– В отделении разберемся, кто кому что дарил, – спокойно говорит второй, доставая наручники.

Холодный металл защелкивается на моих запястьях. Шуба падает из моих ослабевших рук на грязный асфальт парковки, следачка тотчас ее подбирает...

Я смотрю на нее, потом на непроницаемые лица полицейских.

В голове стучит только одна мысль: «Попалась».

Глава 14.

Кира.

Сижу на полу в комнате Светы, методично укладывая в рюкзак аптечку. Бинты, жгуты, антисептики, обезболивающее... Только бы ничего не забыть... Интересно, в мобильном госпитале все есть? Может, спросить у полковника Ипатьева? Я могла бы привезти лекарства...

Оживляю экран смартфона и пишу в заметках список необходимых для оказания первой медицинской помощи препаратов. Завтра куплю. Ничего, думаю, лишними не будут...

Вздрагиваю, когда мобильник начинает вибрировать в руке... Боже, я скоро заикой стану, ей-богу... На мое счастье, это не муж и не родственники... И даже не мошенники – звонят с городского номера...

– Слушаю, – отвечаю я.

– Кира Васильевна Волошина? – звучит на том конце провода строгий, безэмоциональный голос.

– Да, это я.

– Майор Белов, следственное управление. Вы вчера подавали заявление о хищении личного имущества.

Сердце делает кульбит, но руки, на удивление, не дрожат.

Откладывая в сторону упаковку пластыря.

– Да, подавала.

– Подозреваемая задержана с поличным при попытке сбыта. Вам необходимо подъехать для опознания вещей и дачи показаний. Сможете в течение часа? Адрес я сейчас продиктую.

Я на секунду замираю. Так быстро! Вайнштейн не шутил...

– Да, смогу. Диктуйте.

Записываю адрес на подвернувшемся под руку чеке. Завершаю разговор, заведя стоящую в дверном проеме с двумя чашками чая Свету.

– Что? Уже?

– Уже, – киваю я, поднимаясь с пола. – Лену поймали с поличным. Надо ехать на опознание краденого.

– Господи, Кира! Я поеду с тобой! Тебе нельзя одной!

– Света, не нужно. Это просто формальность.

– Даже не спорь! – она ставит чашки на подоконник. – Я за пять минут соберусь. Не пущу тебя в это змеиное гнездо одну. Что я, не подруга, что ли?

В ее голосе столько неподдельной заботы, что я сдаюсь.

– Хорошо. Поехали.

Отделение полиции выглядит именно так, как я себе его представляла: обшарпанные стены, узкий коридор, пропахший пылью и крепким табаком, люди в форме, снующие по кабинетам с уставшими лицами. Нас встречает майор Белов

– высокий, сутулый мужчина лет пятидесяти с глубоко посаженными глазами.

– Волошина? Пройдемте, – бросает он не здороваясь.

Мы идем по длинному коридору, а Света крепко держит меня за руку. Майор открывает дверь в небольшой кабинет. На столе, покрытом серой тканью, разложены... мои вещи: норковая шуба – смятая и жалкая, мамин браслет, серьги, кольцо. Вещи, лишённые тепла воспоминаний и прошлого и превращенные в бездушные вещдоки.

– Это ваши вещи? – буднично спрашивает Белов, указывая на стол.

– Да, – мой голос звучит глухо. – Это мои вещи, вот чеки и фото... Взгляните.

– Отлично. Сейчас подпишете протокол опознания.

Он начинает что-то писать в бумагах. В кабинете душно, пахнет потом и остывшим чаем... У Светки дрожат руки, а вот я на удивление спокойна...

Когда мы выходим из кабинета – сталкиваемся с ней...

Лену ведут двое полицейских. Ее макияж размазался по лицу, волосы спутались, нарядный костюм, в котором она, видимо, поехала на «делку», помялся. Увидев меня, она останавливается как вкопанная, и ее лицо мгновенно искажается гримасой ненависти.

– А вот и она! Пришла полюбоваться, да? – ее голос срысывается на визг. – Довольна, стерва?! Жизнь мне сломала!

– Градова, идемте, – устало говорит один из конвоиров,

легко сжимая ее локоть.

Но Лена вырывается.

– Не трогай меня! – орет она на него, а потом снова впи-
вается взглядом в меня. – Это ты во всем виновата! Тебе
всегда все на блюдечке приносили, а я должна была объедки
за тобой подбирать! Ненавижу тебя! Всю жизнь ненавидела!
Думала, хоть сейчас поживу нормально, так нет же! Вцепи-
лась в свои старые шмотки, как нищая!

– Кира, пойдем отсюда, не слушай ее, – шепчет Света, пы-
таясь увести меня в сторону.

Мое молчание бесит Лену еще больше.

– Куда?! Боишься правду в глаза услышать?! – кричит она
так, что из соседних кабинетов начинают выглядывать со-
трудники. – Да Олег тебя никогда не любил! Он меня любит!
Меня, а не тебя, ледышку бесплодную! Он твой мусор вы-
кинул, потому что ты и есть мусор! Поняла?! И вещи твои
никому не нужны, кроме тебя, старьевщица!

Ее слова как плевки ядом. Я смотрю на нее – не на сестру,
а на чужую, жалкую, истеряющую женщину. И не чувствую
ничего... Злости, обиды или жалости. Ничего, понимаете?

– Угмоните свою подследственную, – безэмоционально
говорю я, глядя не на Лену, а на полицейского. – И... Мне
нужно попасть в квартиру.

– Кира Васильевна, в присутствии участкового замок
вскроют... если, конечно, ваш муж добровольно не захочет
его открыть.

Информация о моем «возвращении домой» доводит Лену до агонии... Она рычит, плюется, вырывается...

Конвоиры берут ее под руки уже жестче.

– Я выйду! Я все равно выйду! – захлебывается она криком, пока ее тащат по коридору. – И я тебя уничтожу! Ты сгниешь в одиночестве в своей конуре, поняла?! А мы с Олегом будем смеяться над тобой! Смеяться!

Я молча отворачиваюсь и иду к выходу. Света догоняет меня, тяжело дыша.

– Кира, ты как? – спрашивает она уже в машине, когда мы отъезжаем от отделения. – Она... она просто чудовище.

– Я в порядке, Света. Я просто вычеркнула ее. Как будто ее никогда и не было.

Мой телефон снова звонит. На этот раз Вайнштейн.

– Кира Васильевна, я уже в курсе. Поздравляю.

– С чем? С тем, что моя сестра оказалась воровкой?

– С тем, что мы выиграли партию, – спокойно отвечает адвокат. – Она задержана. Возбуждено уголовное дело по статье «Кража». Олег ей не поможет. Теперь у нас на руках все козыри. Поверьте, ваш супруг очень скоро станет гораздо сговорчивее. Он не захочет фигурировать в уголовном деле как соучастник.

– Что теперь будет с Леной?

– Если не пойдет на сделку со следствием, получит условный срок, как минимум. Репутация напрочь разрушится... Из театра, скорее всего, ее попросят. Это клеймо не так лег-

ко отмыть... Олег ее бросит, как только поймет, что она приносит слишком много проблем...

А Марк-то прав... Похоже, конец их красивой истории любви, построенной на моем горе, не за горами...

– Марк Захарович, мне не нужна ее кровь. Мне нужно, чтобы Олег от меня отстал! Подписал все бумаги и дал мне развод.

– Он подпишет, Кира Васильевна. Поверьте мне, он прибежит подписывать все, что я положу перед ним на стол, – решительно произносит он. – А теперь отдыхайте, вы заслужили. Я позвоню, как только будут новости.

Вздыхаю и прячу мобильник в сумку. Света смотрит на меня с сочувствием.

– Мне ее даже жаль немного. Дура дурой.

– Не жалей, – отвечаю я, глядя на дорогу. – Каждый сам выбирает свой путь. Она свой выбрала.

Вернувшись домой, я первым делом подхожу к рюкзаку. Настоящее дело впереди... А вся эта городская, мышиная возня, суды и кражи – лишь досадная прелюдия. Я аккуратно укладываю аптечку на место, упаковываю компас, фонарик и запасные батарейки.

Я готова. И ничто меня уже не остановит.

Стоит подумать об этом, раздается телефонный звонок...

И снова – абонент с незнакомым номером...

– Здравствуйте, меня зовут Роман. Кира?

– Хм... Да. А вы, простите...

– Мы можем встретиться? Это касается пропавшего без вести взвода...

– Господи... А вы, вы кто?

Глава 15.

Олег.

Вдавливаю педаль в пол и мчусь по вечерним улицам... От напряжения сводит скулы... Черт бы ее побрал! Как ей только в голову такое взбрело? Душу переполняют стыд, гнев... Что угодно, но не страх за Лену... А еще – глухое, вязкое раздражение – как от глубоко засевшей занозы, что не можешь вытащить. Лена стала приносить слишком много проблем...

Телефон на соседнем сиденье вибрирует. На экране всплывает имя адвоката Киры... Еще одна сводящая с ума сволочь! Где она его только откопала? Включаю громкую связь.

– Олег Петрович, – елеино протягивает Вайнштейн. – Звоню предложить разумное решение. Кира Андреевна не заинтересована в тюремном сроке для вашей... протее.

Я молчу, стиснув зубы.

– Подпишите мировое соглашение на условиях моей клиентки. Взамен она забирает заявление. Думаю, следствие сможет переквалифицировать дело на что-то незначительное. Или... уничтожить его... Подумайте...

Отдать все? Мою фирму?

– Я подумаю, – цежу я и сбрасываю вызов.

Подумаю, как его самого засунуть в задницу.

Влетаю в отделение, морщась от ароматов: на лавке дремлет бомж, в клетке сидят задержанные... В коридоре меня встречает следователь.

– Ваша здесь, – кивает он в сторону кабинета. – Орет во все горло.

Из-за двери доносится знакомый вой. Не плач, а именно вой – дикий, животный... Она, конечно, неплохая актриса, но выть-то зачем? Потихоньку вхожу... Лена сидит на стуле, вся в соплях и с размазанной тушью на лице. Зрелище жалкое, что уж говорить... Увидев меня, она взвизгивает и бросается мне на шею.

– Олежек! Она все подстроила! Эта стерва меня подставила!

– Успокойся, – отстраняю ее. От нее пахнет потом.

Она вцепляется в мою руку, заглядывает в глаза безумным взглядом.

– Я беременна, Олег! Они не имеют права держать меня здесь. Мы же напишем жалобу?

Следователь смотрит на меня без всякого сочувствия.

– Кира Васильевна опознала все вещи, – устало говорит он. – Предъявила фотографии, чеки...

– Это недоразумение, – начинаю я свою привычную песню. – Мы все вернем. Все компенсируем. Можно как-то замять?

Следователь качает головой, но я вижу, что он колеблется. Он тоже хочет закрыть это дурацкое дело. В итоге после часа уговоров и обещаний, он отпускает Лену под подписку о невыезде.

В машине Лена молчит, только всхлипывает и нервно растирает озябшие плечи... Паркуюсь и веду ее к подъезду панельки.

– Зачем? – глухо спрашиваю я, когда мы останавливаемся. – Лена, просто ответь, зачем ты это сделала? Я же сказал, что отдал бы их и так... Шубу, побрякушки эти... все, что хочешь.

Она резко поворачивается ко мне, и в ее глазах больше нет слез – лишь чистая, неразбавленная ненависть.

– Мне не нужны ее обноски! – шипит она. – Я хотела, чтобы она страдала! Чтобы ей было больно! А ты... ты все мямлишь! Разводись с ней! Сейчас же! Пусть подпишет все и катится к черту! Оставь ее ни с чем!

– Ты не понимаешь, – цежу я сквозь зубы. – Я не могу просто так все поделить.

Разделить имущество? Сейчас, когда на фирме висят два огромных кредита, а поставщики грозятся судом? Когда половина активов – воздух и долговые обязательства? Раздел сейчас – не просто потерять половину. Это значит обанкротить все к чертовой матери. И сесть...

Вайнштейн докопался, что подпись Киры была поддельной, если захочет, он посадит меня...

– Ты ее жалеешь?! – снова заводится Лена. – Ты ее все еще любишь?! Подписывай бумаги, Олег! Или я расскажу ей все! И про подпись, и про то, как ты топишь фирму!

Она хлопает дверью машины и уходит не оглядываясь. Я остаюсь один, в тишине салона, и глухо бью кулаком по рулю.

«Подписывай бумаги! Оставь ее ни с чем!» – звучат в голове слова Лены.

Она думает, что я не хочу делить имущество из жадности, цепляюсь за деньги или за Киру. Если бы все было так просто, черт!

Я не могу пойти на ее условия, но и воевать с ней я тоже не могу. Вайнштейн при первом же серьезном сопротивлении зароется в бумаги, запросит финансовые документы за последние годы и найдет многомиллионный займ, что я взял полгода назад, чтобы заткнуть дыры в фирме и спасти ее от краха.

А залогом по нему идет наша квартира.

Квартира, на залог которой Кира никогда не давала согласия. Я помню тот вечер, как я сидел с этим договором, бутылкой виски и образцом ее подписи. Она получилась идеальной, неотличимой. Подпись, которая спасла мой бизнес тогда, а теперь готова похоронить меня заживо.

Простой раздел имущества? Ага, как же! Да Вайнштейн вцепится в этот договор мертвой хваткой. Кира увидит свою «подпись» и скажет, что это подделка, а экспертиза это подтвердит через пять минут. И что тогда? Договор займа при-

на́ют мошенническим. Банк потребует немедленно вернуть всю сумму, а если нет – заберет квартиру. Фирма, лишившись этих денег, рухнет в тот же день. А я... я получу уголовное дело за мошенничество в особо крупном размере.

Так что я в капкане... С одной стороны – беременная любовница, толкающая меня в пропасть.

С другой – жена, предлагающая мне спрыгнуть самому, сохранив хотя бы лицо.

Я зажат между огнем Лены и льдом Киры. И выхода нет, потому что главный залог в этой грязной игре – уже не квартира и не фирма, а моя собственная свобода.

Глава 16.

Кира.

За огромными панорамными окнами аэропорта – серое, плачущее небо, внутри – приглушенный гул голосов, писк сканеров и монотонные объявления диктора. Стою в стороне от толпы, рядом с тремя молчаливыми мужчинами в одинаковых неброских куртках. Они – моя новая реальность... Тяжесть медицинского рюкзака давит на плечи, а в груди расплзается тихая, материнская радость... Наконец-то, настал этот день... Совсем скоро я поднимусь в небо и попрощаюсь со всем этим кошмаром – предателем-мужем и такими же родственниками...

– Кира, я знал, что найду тебя здесь. Успел, слава богу!

Его голос я узнаю даже во сне, но он больше не вызывает ничего, кроме глухого раздражения. Олег несмело подходит ближе, и его дорогой, кашемировый пиджак выглядит чужеродно на фоне нашего камуфляжа и тактических рюкзаков. В руках он сжимает знакомую кожаную папку...

– У меня скоро регистрация, Олег. Что тебе нужно? Как ты меня нашел? – устало протягиваю я.

– Неважно... Это было несложно – у твоего Вайнштейна длинный язык. Я пришел по делу. Давай решим все цивили-

зованно, – произносит он, обдавая меня ароматом парфюма – теперь он кажется мне удушливым. – Вот мировое соглашение. Я все прописал, как ты хотела. Обе машины – твои. Я перепишу их хоть завтра. Взамен ты просто даешь мне отсрочку по иску. Полгода, Кира. Мне нужно время, чтобы решить проблемы с фирмой. Это выгодно нам обоим. Мы же взрослые люди?

Он протягивает мне папку, и в его глазах я не вижу раскаяния – лишь холодный расчет. Он все еще играет по своим правилам, не понимая, что я давно вышла из игры.

– Олег, ты что здесь устроил?

Лена, куда же без нее? Похоже, эти сволочи решили опозорить меня на виду у всех! Она подлетает, а ее высокие каблуки зло цокают по плитке. В ее глазах мерцает холодная, колючая злость. Она цепко хватает Олега за рукав.

– Черт! Я же попросил тебя посидеть в машине?

– Ты пришел сюда торговаться за моей спиной? Решил откупиться от нее нашим будущим? – цедит она сквозь зубы, испепеляя меня взглядом. – А ты, Кира? Решила напоследок ободрать его до нитки? Разыгрываешь трагедию, а сама только и думаешь, как бы побольше отхватить?

– Лена, это не твое дело, – бросает Олег, пытаясь высвободить руку.

– Уже мое! С того самого дня, как я забеременела от твоего мужа, это стало и моим делом! Я не позволю тебе оставить его нищим. У него скоро родится сын, и я буду защищать его

интересы. Так что свои иски и машины можешь засунуть...

— Кира Васильевна, я звонил вам, — произносит незнакомый мужчина. — Мне нужно поговорить с вами.

Ах, да... Наверное, этот тот самый Роман? Мы договорились встретиться в аэропорту.

Боже, какой же он высокий... Он встает, отгораживая меня от родственников и не глядя в их сторону — словно их просто не существует.

— Минутку. Давай свое соглашение. Свяжись с Вайнштейном, у него доверенность, он уладит юридические вопросы, — бросаю я, торопливо расписываясь в бумагах. — Полгода, Олег. Не больше.

— Ах, ты дрянь меркантильная. Может, тебя пристрелят там! Вопросы она решает, адвокат у нее, — орет Лена.

Роман хмурится и, мягко касаясь моего локтя, уводит в сторону, за массивную бетонную колонну. Их скандал остается позади, превращаясь в неразборчивый, унижительный шум.

— Простите, — говорит Роман, когда мы останавливаемся. — Не хотел вмешиваться в личное.

— Спасибо, что вмешались, — отвечаю я, глубоко вздыхая. — Какие детали, командир?

Он оглядывается, убеждаясь, что мы вне зоны видимости и слышимости.

— Я должен вам кое-что передать. От Миши...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.